

Голикова Анна Анатольевна

НОВЕЛЛЫ Ш. НОДЬЕ "ЛИС В ЗАПАДНЕ" И "ЗАПИСКИ ЖИРАФЫ ИЗ ЗООЛОГИЧЕСКОГО САДА"

В статье рассматриваются две новеллы Ш. Нодье из сборника "Сцены из частной и общественной жизни животных". При анализе текста особое внимание уделяется взаимодействию литературных традиций, в частности - Рококо и Романтизма. Также в новеллах выделяются черты физиологического очерка, романа воспитания, куртуазного романа и др.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2011/2/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (9). С. 57-62. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2011/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82-34

В статье рассматриваются две новеллы Ш. Нодье из сборника «Сцены из частной и общественной жизни животных». При анализе текста особое внимание уделяется взаимодействию литературных традиций, в частности - Рококо и Романтизма. Также в новеллах выделяются черты физиологического очерка, романа воспитания, куртуазного романа и др.

Ключевые слова и фразы: Шарль Нодье; карикатура; физиологический очерк; сатира; ирония; романтический герой; роман воспитания; Рококо; фантастическая сказка.

Анна Анатольевна Голикова

Кафедра истории зарубежной литературы

Филологический факультет

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ann.golikova@gmail.com

НОВЕЛЛЫ Ш. НОДЬЕ «ЛИС В ЗАПАДНЕ» И «ЗАПИСКИ ЖИРАФЫ ИЗ ЗООЛОГИЧЕСКОГО САДА»©

Новеллы Шарля Нодье «Лис в западне» [8, с. 143] и «Записки Жирафы из зоологического сада» [7, с. 105] были написаны для иллюстрированного Гранвилем сборника «Сцены из частной и общественной жизни животных» [24]. Идея создания сборника принадлежит издателю Пьер-Жюлю Этцелю, который не только написал некоторые главы книги, но и привлек к сотрудничеству известных писателей своего времени, в числе которых О. де Бальзак, Жорж Санд, Поль и Альфред Мюссе. По словам Этцеля, в намерения авторов входило «наделить голосом чудесных животных Гранвиля и единым усилием писательского пера и карандаша рисовальщика критиковать современную эпоху» [Ibidem, p. 5]. Некоторые рассказы сборника, как, например, «Любовные страдания французской кошки» О. де Бальзака или «История белого дрозда» А. Мюссе, стали рассматриваться как произведения, ценные сами по себе и больше не являющиеся «приложением» к иллюстрациям Гранвиля. Новеллы Нодье, вошедшие в сборник, также имели определенный успех. Впоследствии они публиковались и вне рамок сборника. Перевод на русский, опубликованный в журнале «Иностранная литература», доказывает популярность этих новелл. Тем не менее, в некоторых научных работах [19] художественная ценность рассказов сборника, и в частности - сказок Нодье, ставится под сомнение. Цель данной работы - доказать несправедливость подобных утверждений, а также рассмотреть взаимодействие различных литературных традиций в этих сказках.

Сборник «Частная и общественная жизнь животных» был выпущен с подзаголовком «Животные в их собственном изображении» (“Les animaux peints par eux-mêmes” [25]). В связи с этим подзаголовком следует упомянуть о сборнике «Французы в их собственном изображении» (“Les Français peints par eux-mêmes” [22]), который выпускался А. Л. Кюрмером с 1840 по 1842 г. Сборник имел большой успех, и его влиянию приписывают появление таких альманахов, как «Дети в их собственном изображении» (1842), «Маленькие, изображенные взрослыми» (1842) и собственно «Частная и общественная жизнь животных». При этом следует заметить, что новеллы сборника «Французы в их собственном изображении» принято рассматривать как физиологические очерки. Но термин «физиологический очерк» нельзя применить ко всем сказкам сборника «Частная и общественная жизнь животных».

Сам Этцель во вступлении к сборнику указывает на стремление авторов изображать «не действительные события или определенных людей, а скорее сами характеры и типы» [24, p. 6]. Если учесть, что «тенденция к типизации изображаемого» [12, с. 1142] считается важнейшей чертой физиологического очерка, можно сказать, что Этцель настаивает на «физиологическом» характере новелл.

Новелла «Записки Жирафы» почти полностью соответствует требованиям жанра физиологического очерка. По отношению к ней действительно можно говорить об «отсутствии сюжета при основном внимании к характеристике социальных типов и среды» [Там же]. Жирафа, как и герои физиологических очерков, старается предоставить сведения о местности, времени, людях, описывая природу, климат и население Франции. Учитывая роль пародии в этих описаниях, новеллу «Записки Жирафы» можно охарактеризовать как пародийный физиологический очерк.

Определенный интерес к описанию среды и склонность к типизации можно заметить и в новелле «Лис в западне», но здесь эти мотивы не имеют такого значения, как в «Записках Жирафы». В новелле создается образ Лиса, наделенный чертами, типичными для лисиц в фольклорной традиции, но при этом в новелле нет изображения жизни в социальном разрезе. К тому же в «Лисе» действие преобладает над описанием. С другой стороны, если разграничивать вставное повествование новеллы и обрамляющее, то можно сказать, что именно «рама» обладает чертами физиологического очерка, так как именно в обрамляющем повествовании речь идет о типичном в образе Лиса, а вставное повествование должно опровергнуть это суждение. Отступление о рыбной ловле, которое делает Брелок, также может быть рассмотрено как повествование с «физио-

логическими» чертами. В этом отступлении описание любителей рыбной ловли дается в «социологическом» ключе. Так, по отношению к этим людям Брелок применяет такие слова и выражения, как «немногие» (*peu de personnes*), «множество людей» (*une multitude de gens*), «большое количество людей» (*un grand nombre de personnes*) [8, с. 145]. Наконец, он даже пытается определить их количество: «Такие люди - а их число, сударь, заметьте, ужасно возросло в последнее время - портят самые прекрасные вещи в мире» [Там же].

Также в обрамляющем повествовании Брелок и Орангутанг говорят о типичном поведении не только лисиц. Например, Орангутанг заявляет, что «его (петуха) чуткость, величие и благородство в высшей степени сомнительны» [Там же, с. 154]. Также Орангутанг говорит о поведении, характерном для куриц, выделяя в нем наиболее типичные черты. В рассказе о судьбе Курицы, к которой приложили «старинную идею насчет Курицы с рисом» [Там же, с. 153] Брелок говорит, что таким образом уже погибли «многие Курицы и многие из тех, кто их ест» [Там же]. Склонность Брелока к обобщениям позволяет говорить о «физиологичности» обрамляющего повествования.

Новелла «Лис в западне» имеет подзаголовок «история, найденная в бумагах одного Орангутанга, члена нескольких Академий» [Там же, с. 143]. Уподобление человека обезьяне и невозможность их различения находит место и в «Записках Жирафы». Жирафа принимает драку в обезьяньем питомнике (*Palais des Singes*) [10, с. 565] за заседание парламента (*Chambres des Députés*) [Там же], при этом о ее ошибке автор уведомляет читателя в специальной сноске. Двойственность такого типа почти невозможно воспроизвести на рисунке, поэтому Гранвиль в обоих случаях изображает обезьян, подражающих людям. Подпись к рисунку из «Записок Жирафы» гласит: «Все заседания в той или иной степени похожи на изображенное здесь» [Там же, с. 566].

Вообще, цепочка «предмет сатиры - карикатура - новелла» могла бы стать объектом отдельного исследования. Уже упоминавшиеся перо и карандаш не всегда действуют согласованно. Так, в новелле Нодье «Записки Жирафы из зоологического сада» Жирафа рассказывает об одежде людей, называя ее «искусственной кожей <...>, которая не мешает человеку по-прежнему казаться таким же уродливым, как если бы он был раздет» [7, с. 105]. Несмотря на столь явную неприязнь Жирафы к одежде, Гранвиль рисует ее в платье с оборками. Жирафа Нодье выражает презрение к человеческому телу, но на рисунке Гранвиля у Жирафы человеческие руки. Возможно, такое изображение Жирафы подчеркивает двусмысленность ее роли в новелле.

Но подобного рода несоответствия между текстом и изображением можно найти во многих новеллах сборника, при этом в несоответствиях прослеживается определенная логика.

Образ Лиса из новеллы «Лис в западне» является многоплановым. Сначала один из героев новеллы говорит о лисе как о животном, «чье имя стало синонимом коварства и плутовства» [8, с. 143], и перечисляет качества лисы, которые соответствуют образу лисы в мифопоэтической традиции. О тех же качествах говорит в своей статье о лисе как культурном герое В. Н. Топоров. «Символические значения, связываемые с Л. в разных традициях, образуют единый и весьма устойчивый комплекс лишь отчасти мифологизированных значений (хитрость, ловкость, пронырливость <...>)» [14, с. 58]. Собеседник первого героя заявляет, что ему известен один «представитель лисьей породы» [8, с. 144], который «стал жертвой подобного заблуждения» [Там же].

Переходя собственно к истории Лиса, собеседник Орангутанга сообщает о своем намерении «просто рассказать, как все произошло» (“raconter simplement comment la chose arriva” [10, с. 489]). Эта претензия на достоверность повествования, будучи характерной для романистов XVIII века в целом, напоминает слова, которыми рассказчик вводит в повествование историю кавалера де Грие в романе «История кавалера де Грие и Манон Леско» аббата Прево: «Должен предупредить здесь читателя, что я записал его историю почти тотчас по прослушивании ее и, следовательно, не должно быть места сомнениям в точности и верности моего рассказа» [13, с. 34].

Механизм построения портрета Лиса во многом схож с описаниями животных в средневековых bestiaries. Почти каждую главу bestiaria можно условно разделить на две части. В первой части дается характеристика внешности животного, а также животному приписывается определенный тип поведения. Вторая часть главы посвящена толкованию свойств из первой части в религиозном ключе.

Так, в «Александрийском физиологе» [15] в главе о льве сначала говорится: «Когда спит в пещере лев, еще больше бодрствует он, так как отверсты глаза его». Затем дается толкование этого свойства: «Ведь телесное (естество) Господа почивает на кресте, а божественность его бодрствует одесную Отца, ибо не воздремлет, ниже уснет храняй Израиля (Пс. 120.4)» [Там же, с. 18].

Брелок, описывая Лиса, также сначала говорит о его внешности: «Передо мной, сударь, стоял молодой Лис самой очаровательной наружности». Дополнительное очарование придают Лису его кроткие (*très doux*) [10, с. 493] глаза, а от звука его грустного голоса Блок готов расплакаться. Подводя черту под описанием Лиса, Брелок заявляет, что «облик его мгновенно вызывал приязнь» [8, с. 147]. Эти милостивые черты в облике Лиса позволяют Брелоку сделать соответствующие выводы и о других свойствах животного. Во взгляде Лиса можно прочесть «благородство и прямоту характера» [Там же].

Интересно отметить, что образ самой лисицы из bestiaries [6; 18] явно не оказал воздействия на образ Лиса из новеллы Нодье. В главе «о лисице» в bestiaries обычно рассказывается история о том, как лисица, притворяясь мертвой, приманивает птиц и поедает их. Этого сюжета у Нодье нет. В «толковании» действий лисицы перечисляются те свойства, которые приписывает ей уже упоминавшаяся мифопоэтическая традиция. Например, в «Физиологе александрийской редакции» приводится следующее толкование: «Так и Диа-

вол вполне коварен и (таковы же) деяния его. Желаящий приобщиться плоти его умирает; плоть же его суть: прелюбодеяния, сребролюбия, блуды, наслаждения, убийства. Хорошо сказал Физиолог о лисице, описывая ее коварство и алчность» [15, с. 31]. Таким образом, черты образа лисицы, приводимые в бестиариях, не выходят за рамки мифопоэтической традиции, поэтому говорить об их влиянии на образ Лиса у Нодье нельзя.

Лис может быть рассмотрен также как пародия на романтического героя. Более очевидной эта пародийность становится при сопоставлении эпизода новеллы с подобным эпизодом из романа Шатобриана «Рене». В первую очередь становится заметным сходство в системе персонажей. Так, в «Рене» главный герой рассказывает свою историю двум друзьям, которые обеспокоены его грустью и хотят, чтобы он «открыл им сердце» [17, с. 51]. Брелок интересуется историей Лиса из подобных побуждений: «Самая большая услуга, какую можно оказать влюбленному, если невозможно излечить его от любви, - это его выслушать» [8, с. 147]. Таким образом, здесь на первое место выходит мотив сочувствия. Лис, как и Рене, считает нужным начать повествование о своих несчастьях с самого детства: «мне придется начать издалека, ибо несчастья преследуют меня едва ли не с самого рождения» [Там же]. В истории Рене перечислению его неприятностей уделяется больше внимания, чем в новелле о Лисе. И тот, и другой подчеркивают свою «непохожесть» на других членов общества. Лис говорит, что ни одно из блестящих качеств его родителей не проявилось в нем, и что он предпочитал лисам дружбу животных, которые не имели ничего общего с ним. Рене также жалуется на те свойства характера, которые мешали ему ладить с друзьями: «Я был непреклонного нрава, с неровным характером» [17, с. 52].

В рассказе Лиса о своем детстве прослеживается схема романа воспитания. Бульдог-наставник учит его «любить и защищать слабых» [8, с. 147]. Вторым воспитателем Лиса становится лесничий, который преподает ему «уроки мудрости и морали, а также знания, которые он черпал из трудов самых великих авторов» [Там же]. Сам Лис характеризует свое образование как «эксцентрическое и гуманитарное» (*excentrique et humanitaire*) [10, с. 497]. Он превосходит по своей воспитанности других лис и упрекает их в неумении держать себя [Там же, с. 498]. Лис может похвастаться знанием классиков литературы; так, вражду между лисами и обитателями птичьего двора он сравнивает с враждой Монтеки и Капулетти.

Образ «доброй лисы», которая ни с кем не враждует, имеет свои источники. Одним из них, возможно, является лиса из латинской поэмы «Бегство узника» [20]. Композиция поэмы имеет общие черты с новеллой Нодье - о лисе здесь также рассказывается во вставном повествовании. В основе истории лежит широко распространенный сюжет о болезни льва [1; 2]. Лиса (*vulpes*) находится в приятельских отношениях со многими животными; когда волк оклеветал ее передо львом, у лисы нашелся защитник - сочувствующий ей гепард (*condoluit pardus*) [20, S. 95], который отправляется к ней, чтобы сообщить неприятное известие. Сцена приема гостя позволяет заметить набожность лисы:

*Hec pardum satiat, Treuirensia uina propinat.
Vt bene sunt pransi, benedicunt omnipotenti,
Nam modicum pausant, ac iussa silentia seruant,
Post iter arripiunt, Dauitica carmina prendunt,
Se simul excutiunt, montana cacumina scandunt,
Inibi considunt, fini concepta reducunt* (v. 417).

Она угощает барса, предлагает ему треверское вино,
Так они хорошо позавтракали, благословляют всемогущего,
Теперь скромно замолкают, хранят молчание,
Затем пускаются в путь, поют духовные песни,
Открывают друг другу душу, поднимаются на вершину горы,
Там садятся, возобновляют молитву.

Главное отличие лисы из «Бегства узника» от Лиса из рассматриваемой новеллы заключается в том, что образ лисы лишен всякой двусмысленности. Сближает эти персонажи их «образованность». Лис (*Renard*) упрекает своих сородичей в неумении держать себя [10, с. 498], а лиса (*vulpes*), прибыв ко двору, упрекает остальных зверей в том, что они «обошли обычай трехкратного предварительного вызова виновного» [1, с. 371]. Но в «Бегстве узника» упреки лисы не несут никакой дополнительной смысловой нагрузки, тогда как в «Лисе в западне» они имеют иронический оттенок.

Некоторые черты новеллы «Лис в западне» позволяют говорить о рокальном типе повествования. Двойственность, присущая поэтике Рококо, проявляется здесь на разных уровнях - в речевой характеристике персонажей, в «представлении сюжета читателю» [11, с. 886], в интерпретации поступков и т.д.

Двойственность в новелле Нодье проявляется и на стилистическом уровне. Так, в речи Лиса часто соседствуют «несовместимые» слова, например, абстрактное стоит в одном ряду с конкретным, высокое - с низким и т.д. При переводе на русский язык трудно сохранить этот контраст, и в словосочетании «желание отдохнуть в холодке и отвесть ягоду» [8, с. 148] противопоставление «высокое - низкое» почти снимается, тогда как в тексте оригинала словосочетание *chercher un abris et un raisin* [10, с. 495] привлекает внимание читателя именно несочетаемостью входящих в него элементов. В других случаях сохранить контраст при пе-

реводе удается: так, предложение *je ne manquais pas d'audace quand le moment et le souper l'exigeaient* было удачно переведено В. А. Мильчиной как «я могу действовать так отважно, как того требуют интересы дела и ужина» [8, с. 150].

Определить характер иронии у Нодье, равно как и роль игрового элемента в его новеллах сложно, так как в его произведениях сочетаются черты традиции Рококо и романтизма. Приведенные выше словосочетания могут быть рассмотрены как своеобразный орнамент, подобный орнаменту рокайльных произведений. «XIX век утратил ощущение свойства игры и не замечал таившейся за нею серьезности. В завитках и зарослях орнамента Рококо, скрывающего, как в музыкальных украшениях, основную линию, он видел лишь слабость и неестественность» [16, с. 186]. Возможно, эту же «слабость и неестественность» видели за «орнаментальными» новеллами Нодье и его современники, что не отменяет возможности осознанного взаимодействия поэтики Рококо и Романтизма, к которому прибегнул Нодье.

Еще одна из особенностей стиля Рококо - «любовь к мелочам, безделкам, миниатюрному и изящному» [11, с. 886] - нашла свое отражение в имени одного из персонажей новеллы «Лис в западне». Образ Брелока - собеседника Орангутанга - не имеет однозначного толкования. Из значений, которые даются в словарной статье слова *breloque*, наиболее подходящим для персонажа новеллы является *être dérangé, un peu fou* [21, р. 293]. Но первое значение слова - *petit bijou fantaisie qu'on attache à une chaîne de montre, à un bracelet* - безусловно, оказывает влияние на читательское восприятие, при этом являясь прямой отсылкой к рокайльной традиции.

Но функции авторской иронии у Нодье не могут быть ограничены только «орнаментальностью». Если это и справедливо в какой-то мере по отношению к новелле «Лис в западне», то новелла «Записки Жирафы» полностью опровергает это суждение. Здесь ирония становится стилистической доминантой текста. Например, Жирафа описывает природу Франции только с помощью негативно окрашенных эпитетов: «Солнце здесь бледное, луна тусклая, небо бесцветное, пыль соленая и влажная, ветер мокрый и холодный» [7, с. 105]. После ряда подобных описаний Жирафа возмущается тем, что это место называют «прекрасной Францией» [Там же]. На подобных контрастах построена значительная часть текста новеллы.

По словам В. А. Мильчиной, Нодье в «Записках Жирафы» продолжает традиции сатиры в духе Вольтера и Свифта [4]. Но в философских взглядах Вольтера и Нодье наблюдается существенное расхождение. «Главной идеей» всего творчества Нодье является обращение к культуре прошлого - например, воскрешение слов из старофранцузского языка, исследование старинных обычаев и легенд и т.д. [5]. Как следует из статьи Ю. М. Лотмана, Вольтер, в отличие от Нодье, «не просто верил в прогресс - он являлся создателем мощной концепции, связывающей всю историю человечества в единый процесс поступательного развития» [3]. Несмотря на это различие, оба автора используют в своих произведениях один и тот же прием. Речь идет об «остранении». Обоим авторам требовалось посмотреть на современный им мир со стороны и «поместить свое сознание как бы вне этого мира» [Там же]. Поэтому они избирают героев, которые могут стать «носителем критического сознания» [Там же], иными словами - посмотреть на мир свежим взглядом и таким образом четче увидеть его пороки и нелепости. Роль Кандида в «Простодушном» приближена к роли Жирафы в «Записках Жирафы». Жирафа точно так же не может понять законов, по которым живет окружающий ее мир, и воспринимает человека как «самое несчастное из всех существ, когда-либо созданных Богом» [7, с. 105]. Особый взгляд Жирафы проявляется и в той классификации, которой она подвергает людей. Она выделяет в отдельные группы Людей, Ученых и Женщин, при этом Человек может стать Ученым, лишь побыв предварительно Гусеницей и Куколкой в коконе из книги.

В новелле «Записки Жирафы» общество животных по сравнению с обществом людей описано как идеальное. Так, рассказывая о способах общения жирафов, героиня упоминает «крики, стоны, ворчанье, а главное - взгляд, которым можно выразить любое чувство» [Там же]. Этому противопоставляется язык людей, настолько несовершенный, что на нем ничего нельзя выразить, и люди, проговорив друг с другом несколько часов, расстаются, «по-прежнему пребывая в полнейшем неведении относительно мыслей другого и ненавидя его еще сильнее, чем прежде» [Там же, с. 106]. Несколько иначе интерпретируется эта же тема в «Лисе в западне». С одной стороны, видимого противопоставления языка людей языку животных в новелле нет. С другой стороны, посредником между образованным Орангутангом (чья просвещенность доказана тем, что он оставил мемуары о себе, а также имел собственную библиотеку) и Лисом является Брелок, загадочное существо с неясными свойствами. В новелле нет упоминаний о том, чтобы Брелоку пришлось переводить речь Лиса. Способности Брелока понимать животных ограничена - он понимает песню петуха, но не может услышать жалобу бабочки.

О невозможности выразить свои мысли с помощью речи говорит и сам Лис. Он должен опускаться в своем рассказе «множество ощущений слишком мимолетных, чтобы память сохранила их надолго» [8, с. 152]. Эта черта в образе Лиса является очередным романтическим штампом.

В связи с проблемой языка животных в новеллах Нодье можно упомянуть один из основных принципов построения новелл в самом сборнике «Частная и общественная жизнь животных». Многие из новелл оформлены в виде писем, а автор подписывается под ней как переводчик. Так подписался и Нодье под «Записками Жирафы». При этом в постскриптуме Жирафа утверждает, что ее переводчик знает язык животных лучше, чем язык людей, и что он стал человеком лишь потому, что не мог иначе. «Будь на то его воля, он охотно пожертвовал бы теми правами, какими обладает сей глупый род, дабы оказаться в шкуре любого другого Животного, большого или маленького - не важно, лишь бы оно было порядочным» [7, с. 111]. Это

заявление Нодье, несмотря на всю невозможность воспринимать его всерьез, хорошо вписывается в его концепцию «возвращения к природе».

Любовная история Лиса строится по модели куртуазных отношений, о которых Нодье в своей статье «О фантастическом в литературе» говорил следующее: «Образуя непостижимое единство, сочетаются всевозможные картины средневековой любви и средневекового героизма: картины беспримерной любви, когда не знаешь чем больше восхищаться - целомудренной нежностью возлюбленной или страстным энтузиазмом влюбленного» [9, с. 409].

Объектом куртуазной любви всегда является замужняя женщина. Это положение в новелле Нодье соблюдается, и соперником Лиса становится Петух. Сложно сказать, воспроизводится ли у Нодье другое обязательное условие куртуазной модели отношений: социальное положение дамы должно быть выше положения влюбленного. Если это условие и соблюдается, то только в самом буквальном смысле: курица сидит на насесте. С другой стороны, сам Лис говорит о превосходстве Петуха над ним: «любовь Пеструшки к Петуху есть прискорбное доказательство того превосходства, какое дает авантажная внешность в сочетании с огромной уверенностью в себе» [8, с. 149].

Эпизод, в котором рассказывается о том, как Лис ходит по вечерам смотреть на Курочку, также воспроизводит общее место куртуазной поэзии - свидание влюбленных. Так, в «Лэ о Соловье» Марии Французской [23, р. 120] речь идет о двух возлюбленных, которые могут видеть друг друга только ночью через окно, так как их дома находятся по соседству.

В куртуазной традиции дама наделяется всеми возможными добродетелями. В такой же тональности выдержан портрет Курочки: Лис любит ее красотой и грациозностью, а «опасность, которой подвергается Курочка, только воспламеняет любовь» [8, с. 150].

Несмотря на желание Брелока рассказать историю о Лисе, который был бы исключением из правил, несмотря на все положительные черты, которые выделяются в облике Лиса; несмотря на высокую ноту, на которой заканчивается история Лиса («Вспоминайте обо мне, сударь, а когда вам станут говорить, что Лисы злы, не забудьте, что вам довелось видеть Лиса чувствительного и, следовательно, несчастного» [Там же, с. 152], образ Лиса еще раз пересматривается на последних страницах новеллы. Орангутанг заявляет, что «все должно быть на своем месте» [Там же, с. 153], и что нет ничего глупее «фантастических сказок и войны с общепринятыми представлениями». «Общепринятые представления» означают здесь те качества, которые обычно приписывают лисе в мифопоэтической традиции и которые упоминались в начале данной работы. Таким образом, Орангутанг и Брелок соглашаются друг с другом в том, что Лис не был исключением и вел себя подобно остальным представителям своей породы, а если бы ему удалось добиться взаимности от Курочки, «он первым делом слопал бы свою милую» [Там же, с. 154].

Определение, которое Орангутанг дает истории Лиса - а он называет ее фантастической сказкой - интересным образом перекликается с мыслью, которую Нодье высказывает в своей статье «О фантастическом в литературе». Рассуждая о проблемах становления фантастического жанра во Франции, Нодье утверждает, что «размышления о фантастическом сами относятся к области фантазии» [9, с. 411]. И в новелле «Лис в западне» именно в области фантазии - то есть в фантастической сказке - один герой рассказывает другую фантастическую сказку, а второй герой высказывает свои мысли по этому поводу.

Таким образом, на примере новелл Нодье, вошедших в сборник «Частная и общественная жизнь животных», можно проследить взаимодействие мифопоэтической и литературной традиции, а также выделить в них черты многих литературных направлений. Все это доказывает художественную самостоятельность новелл.

Список литературы

1. Колмачевский Л. Животный эпос на западе и у славян. Казань: Типография Императорского Университета, 1882. 316 с.
2. Костюхин Е. А. Типы и формы животного эпоса. М.: Наука, 1987. 270 с.
3. Лотман Ю. М. В мире гротеска и философии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/478513.html#0> (дата обращения: 20.02.2011).
4. Мильчина В. А. Вступление // Нодье Ш. Записки Жирафы из зоологического сада // Иностранная литература. 1999. № 8.
5. Мильчина В. А. Вступление // Нодье Ш. Фантастические и сатирические повести. М.: Радуга, 1985. 608 с.
6. Муратова К. Средневековый bestiary. М.: Искусство, 1984. 242 с.
7. Нодье Ш. Записки Жирафы из зоологического сада // Иностранная литература. 1999. № 8.
8. Нодье Ш. Лис в западне // Иностранная литература. 2003. №4.
9. Нодье Ш. О фантастическом в литературе // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М.: МГУ, 1980. 638 с.
10. Нодье Ш. Фантастические и сатирические повести: сборник / сост. В. А. Мильчина. М.: Радуга, 1985. 608 с.
11. Пахарьян Н. Т. Рококо // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001.
12. Петрова Т. Г. Физиологический очерк // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001.
13. Прево А.-Ф. История кавалера де Грие и Манон Леско. М.: Наука, 1964. 287 с.
14. Топоров В. Н. Лиса // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 2.
15. Физиолог александрийской редакции / под ред. О. В. Беловой. М.: УНИК, 1998. 136 с.
16. Хейзинга Й. Человек играющий. М.: Айрис-пресс, 2003. 487 с.

17. Шатобриан Р. Рене, Б. Констан. Адольф. М.: Журнально-газетное объединение, 1932. 144 с.
18. Юрченко А. Я. Александрийский физиолог. СПб.: Евразия, 2001. 448 с.
19. Якимович Т. К. Французский реалистический очерк 1830-1840 гг. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. 319 с.
20. *Ecbasis captivi, das älteste Thierepos des Mittelalters* / herausgegeben von Ernst Voigt. VIII // Quellen und Forschungen zur Sprach und Culturgeschichte der Germanischen Völker. VII-XII / herausgegeben von Bernard Ten Brink, Wilhelm Scherer, Elias Steinmeyer. Straßburg: Karl J. Trübner; London: Trübner & Company, 1875.
21. *Le nouveau Petit Robert: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. P.: Dictionnaires Le Robert, 1993. 2843 p.
22. *Les Français peints par eux-mêmes: encyclopédie morale du XIX-e siècle*. P.: L. Curmer, 1840-1842. 588 p.
23. *Les lais de Marie de France*. P.: Librairie Honoré Champion, 1981. 317 p.
24. *Scènes de la vie privée et publique des animaux / vignettes* par J. I. Grandville. P.: J. Hetzel et Paulin, éditeurs, 1842. Préface. 636 p.
25. *Vie privée et publique des animaux / avec la collaboration de Balzac, Louis Baude, Émile de La Bédollière et al. sous la dir. de P. J. Stahl*. P.: J. Hetzel, 1880. 636 p.

**CHARLES NODIER'S SHORT STORIES "FOX IN TRAP"
AND "NOTES OF GIRAFFE FROM ZOOLOGICAL GARDEN"**

Anna Anatol'evna Golikova

Department of Foreign Literature History

Philological Faculty

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

ann.golikova@gmail.com

In the article two Charles Nodier's short stories from the collection "Scenes from Animals' Private and Public Life" are considered. While analyzing the text special attention is paid to literary traditions interaction, particularly, of Rococo and Romanticism. Also the features of physiological sketch, bildungsroman, courtly romance and so on are singled out in the short stories.

Key words and phrases: Charles Nodier; caricature; physiological sketch; satire; irony; romantic hero; bildungsroman; Rococo; fantastic fairy tale.

УДК 81'42

Дискурс лесты - сложное коммуникативное явление, имеющее в своей основе интенциональные свойства адресанта, проявляющееся в угодливом восхвалении, искажении информации об адресате с корыстной целью посредством специальных языковых средств, отвечающее целям и задачам коммуникации (одного коммуникативного намерения). Иногда дискурс лесты можно рассматривать как компромиссное образование, т.е. как результат согласования между интересом адресанта и адресата. Дискурс лесты содержит три основных компонента: 1) информативный (пропозициональный); 2) оценочный (модусный); 3) прагматический. Итак, мы выяснили, что характерными чертами дискурса лесты являются: конкретная целенаправленность на адресата, прагматичность, корыстность, неискренность, явное преувеличение, желание манипулировать объектом лесты.

Ключевые слова и фразы: дискурс лесты; объект лесты; инициатор лесты; интеракция; интенции; пресуппозиции; верификация.

Надежда Юрьевна Гутарева, к.п.н.

Кафедра иностранных языков в области природных ресурсов

Институт природных ресурсов

Томский политехнический университет

gutarevanadezhda@mail.ru

ДИСКУРС ЛЕСТИ И ЕГО ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ©

В поле интересов настоящего исследования входит дискурс лесты и его основные характеристики. А. А. Романов предлагает рассматривать три направления в лингвистике, связанные с изучением проблемы дискурса. Первое направление характеризуется отношением к дискурсу как к лингвистическому понятию, рассматриваемому сквозь призму речи, текста и диалога [8, с. 21].

Характерными признаками второго направления являются характеристики описательного характера дискурса, которые и определяют позицию автора, отвечая на вопрос - *какой* или *чей* дискурс. Это направление неразрывно связано с Фуко, который предложил разграничивать речь и дискурс. Он также предлагает рас-